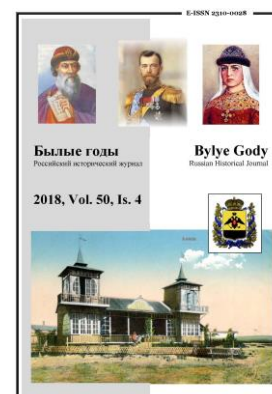

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1552-1565. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1552
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Schism in Decembrist Movement

Mikhail S. Belousov ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article examines key episodes of political struggle in the Decembrist movement both inside and between the Northern and Southern societies in 1823-1825. The course and results of the Petersburg meetings of 1824 are analyzed on the basis of “Notes” of S.P. Trubetskoy from the collection of I.A. Shlyapkin. It is shown that the meetings not only did not contribute to the consolidation of secret societies, but rather became the culmination of the pressure of P.I. Pestel to the northerners. All his initiatives were rejected. A new interpretation of the development of the Southern Society in 1825 is given. Interaction of S.P. Trubetskoy with the leaders of the Vasilkovsky society contributed to the isolation of P.I. Pestel. During this period, the views of S.P. Trubetskoy undergo changes, and he begins to support the idea of a peripheral insurrection. Another important collision is the relationship of S.P. Trubetskoy and K.F. Ryleeva. The study of this plot leads to the conclusion that S.P. Trubetskoy was disappointed by the changes that had taken place. K.F. Ryleev evoked his antipathy and could not be perceived as an ally in the implementation of political plans. But the situation changed as a result the death of Alexander I and the beginning of the interregnum. The presented analysis leads to the conclusion that the reason of the defeat of the Decembrist uprisings should be sought not in subjective factors, but in the character of the ideological split that existed in a secret society.

Keywords: Petersburg meetings, S.P. Trubetskoy, K.F. Ryleev, P.I. Pestel, the Decembrists, interregnum, the Decembrist revolt.

1. Введение

В советской историографии, а значит, и в современной исторической памяти сложился устойчивый образ движения декабристов как плотно соединенной и сплетенной группы единомышленников. Существовавшие тайные общества представляются как прототипы будущих революционных организаций, основанных на принципах демократического централизма. Все происходившие конфликты и столкновения отодвигались на второй план. Одним словом, декабристы – первенцы революционного движения, борцы за свержения самодержавия и отмену крепостного права.

Подобный подход представляется идеологически предопределенным и устаревшим. Отсюда цель предлагаемой работы – выявить ключевые эпизоды политической борьбы в движении декабристов на позднем этапе его существования, а именно проанализировать причины, ход и значение возникшего раскола между лидерами различных групп тайного общества.

2. Материалы и методы

Источниковую базу составили материалы следственных дел, их записки и эпистолярное наследие. Особого внимания заслуживают воспоминания С.П. Трубецкого. Оригинал «Записок» хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Они были несколько раз опубликованы ([Записки декабристов, 1863: 1–99](#); [Трубецкой, 1906](#); [Трубецкой, 1981: 23–75](#);

* Corresponding author

E-mail addresses: m.belousov@spbu.ru (M.S. Belousov)

Трубецкой, 1983: 217–293). Однако П.В. Ильиным была найдена более полная редакция этого источника в архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПБИН РАН) в коллекции собирателя исторических документов И.А. Шляпкина (Ильин, 2003: 138–146). Историк при публикации дал им подробную характеристику, отметив предполагаемую дату возникновения, особенности структуры и основные «содержательные новации» (Ильин, 2011: 9–50). Данная редакция дает возможность существенным образом скорректировать представления об истории декабристских тайных обществ, в том числе на заключительном этапе их существования.

Методологической основой исследования явились принципы историзма, объективизма и системности научного анализа. Применялись традиционные методы анализа исторических источников. Среди специальных приемов следует выделить метод исторической реконструкции, который дал возможность по-новому воссоздать картину целой череды встреч и переговоров участников тайного общества.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии присутствовал тезис об идеологических противоречиях в движении декабристов на завершающем этапе его развития. А.Н. Пыпин подчеркивал разницу в характерах и взглядах руководителей Северного (Н.М. Муравьев и С.П. Трубецкой) и Южного (П.И. Пестель) обществ (Пыпин, 1885: 444). В.И. Семевский первым проанализировал содержание конституционных проектов декабристов, а также критику их постулатов со стороны различных членов тайного общества. По мнению историка, в ходе петербургских совещаний декабристам не удалось достигнуть единой позиции о политических целях, тем не менее, их результатом стало увлечение К.Ф. Рылевым республиканскими идеями в противовес другим лидерам северян (Семевский, 1909: 488–491). Г.В. Вернадский отмечал, что отход от дел прежних лидеров привел к возвышению К.Ф. Рылеева и началу перестройки Северного общества в «заговорщическую организацию пестелевского склада» (Вернадский, 1993: 87).¹

В 1920-е гг. Н.Ф. Лавров, анализируя различные перипетии в жизни тайного общества, использовал оборот «фракционная борьба» (Лавров, 1926: 129–222). Н.М. Дружинин убедительно показал, что Конституция Н.М. Муравьева «подвергалась нападению преимущественно со стороны левого течения» (Дружинин, 1985: 183). Тем не менее, историк ограничился анализом критики проекта, не касаясь вопроса, каким образом она отразилась на взаимоотношениях Северного и Южного обществ. Одним словом, в дореволюционный период и в 1920–1930-е гг. выделялись отдельные эпизоды противоречий как между, так и внутри тайных обществ. Но следующим этапом развития историографии становится полный отказ от этих наблюдений.

Сталинская концепция движения декабристов, созданная М.В. Нечкиной, полностью отрицала возможность существенных разногласий в среде «первых революционеров». Наиболее емко применительно к рассматриваемому периоду эту идею сформулировал Н.С. Захаров. Он подчеркивал, что «характерной чертой движения декабристов на всех этапах его развития являлось внутреннее его единство» и что «все расхождения в программных и тактических вопросах в их среде были лишь вариантами и оттенками единой в своих основных положениях программы движения» (Захаров, 1954: 84). Исходя из этого постулата, в послевоенный период историки отрицали наличие существенных противоречий, а тем более раскола в движении декабристов. Безусловно, «будущий исследователь предпримет попытку проанализировать эти постулаты, опираясь на приемы метаистории» (Belousov, 2018: 352) и покажет, как в сталинской историографии происходило конструирование исторических процессов и явлений (Егоров, Каменев, 2018: 506–521).

Тем более, что современные исследователи подходят к этому сюжету более осторожно. В частности, О.И. Киянская с присущей ей легкостью оценила последнюю встречу петербургских совещаний как «публичную порку» П.И. Пестеля (Киянская, 2005а: 120). В.М. Бокова обратила внимание на социальную неоднородность декабристского движения на завершающем этапе его существования. Оценивая социальный состав отрасли К.Ф. Рылеева, она использовала термин «предразночинцы», которые «по отношению к остальной дворянской массе Петербурга имели некоторый оттенок маргинальности» (Бокова, 2003: 482). Согласно В.М. Боковой, «в этой среде можно заметить и выраженную, обращенную “вверх” социальную неприязнь», и что любопытно, «особенно не любил “Рылеев аристократов”» (Бокова, 2003: 483). Именно этой антипатией «к высшему обществу» В.М. Бокова объясняет изоляцию Н.М. Муравьева в 1825 г. и неприязнь по отношению к С.П. Трубецкому.

Таким образом, в историографии представлена широкая палитра мнений по обсуждаемому сюжету. Это делает правильным и логичным стремление заново проанализировать ключевые эпизоды истории взаимоотношения Северного и Южного обществ в 1823–1825 гг. и постараться расставить все точки над «i».

¹ Подробный анализ взглядов Г.В. Вернадского на историю движения декабристов см.: (Дворниченко, Белоусов, 2017: 358–374)

4. Результаты

В 1821–1823 гг. после роспуска Союза Благоденствия образуются Южное и Северное общества, оформляются их «программные документы» – «Русская правда» и Конституция. Лидер южан П.И. Пестель посредством делегатов (С.Г. Волконского и В.Л. Давыдова) и письменных сообщений высказывал критику конституционного проекта Муравьева и пытался навязать ему основные положения «Русской правды». Эту же цель преследовала и поездка А.П. Барятинского, прибывшего в Петербург в мае 1823 г. Несмотря на давление Южного общества, Н.М. Муравьев твердо стоял на следующем принципе, характерном еще для идеологии Союза Благоденствия: «Nous commencerons absolument par la propagande».¹

В июне 1823 г. в Петербург на длительный срок прибыл М.И. Муравьев-Апостол. Он и А.П. Барятинский, не придя к компромиссу с Н.М. Муравьевым, предприняли попытку создать в столице отделение Южного общества. «Эта попытка была расценена Северным обществом как нечто очень значительное и крайне опасное» (Нечкина, 1955: 14). В связи с этим Н.М. Муравьев, как показывал на следствии С.П. Трубецкой, посчитал, что «по сему случаю непременно нужно иметь здесь, в Петербурге, общество хотя в малом числе членов, для того чтобы члены южного общества не могли здесь распространять своего общества, как то они уже начали делать» (Дело князя С.П. Трубецкого (Трубецкий, 1925: 87)).

Таким образом, перед северными лидерами встала необходимость ассимилировать, не нарушая status quo, в Северном обществе членов создававшейся в Южном обществе петербургской ячейки, равно как и членов активизировавшейся отрасли К.Ф. Рыльева. Стояла задача скорректировать структуру общества и сделать его более доступным. Этот вопрос обсуждался на совещаниях осенью 1823 г. Сначала Н.М. Муравьев разработал поправки к существующему уставу, но, в конечном счете, были приняты предложения Н.И. Тургенева. Общество получало наименование «Союз соединенных и убежденных». Его должна была возглавлять дума из трех директоров. Ими стали Н.М. Муравьев, Е.П. Оболенский и С.П. Трубецкой.

Несмотря на активизацию Северного общества в конце 1823 г., давление юга продолжалось. В декабре 1823 г. в Петербурге вновь появились В.Л. Давыдов и С.Г. Волконский, а в начале 1824 г. И.С. Повало-Швейковский. Но квинтэссенцией этого процесса стали петербургские совещания 1824 г. Такое наименование в литературе получила группа встреч П.И. Пестеля с представителями Северного общества и их совместные собрания.

Как показано выше, этот эпизод не раз становился предметом исследования. Но редакция «Записок» С.П. Трубецкого из коллекции И.А. Шляпкина, содержащая «более подробное (в сравнении с известной редакцией) описание переговоров Северного общества с П.И. Пестелем в 1824 г.» (Ильин, 2011: 42), позволяет уточнить существующие предположения. Прежде всего стоит обратить внимание на проблему «образа действия». С.П. Трубецкой в рассматриваемом фрагменте возводит ее в категорию ключевого противоречия между Северным и Южными обществами. Он так видит развитие этой проблемы в 1822–1824 гг.: беседы с «членами с юга» показали, что «там бывшее отделение общества действует в особенном духе» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 61).

Когда в Петербург приехал П.И. Пестель, участники переговоров «удостоверились, что он в образе своих мыслей руководствуется совсем противными правилами» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 61). С.П. Трубецкой подчеркивает, что в ходе собраний П.И. Пестель «представлял “необходимость изменить образ действия”» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 61). По итогам совещаний задачей «старших членов было обратиться младших на прежний образ мыслей», а ключевым решением лидеров Северного общества – «не изменять образа действия». Словосочетание «образ действия» является лейтмотивом данного фрагмента. С.П. Трубецкой указывает на изменившийся «образ действия» у П.И. Пестеля. Заключался он в стремлении к насильственной смене власти, установлении диктатуры Временного Правления, составленного из членов общества, и реализации основных положений «Русской правды». Для реализации этой цели, согласно С.П. Трубецкому, П.И. Пестель де-факто хотел членов Северного общества подчинить Южной директории, а именно – объединить оба общества и «вручить управление его трем лицам, из которых два уже были на юге, а третье избрать в столице» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 61).

Стремлениям П.И. Пестеля противопоставляется «положительная» программа Северного общества. Рассматриваемая редакция записок является единственным источником, в котором она отобразилась. «Трубецкой перечисляет “пункты”, вокруг которых, по его словам, объединились руководители Северного общества против предложений Пестеля» (Ильин, 2011: 42). В первом пункте речь идет о том, что общество должно «не изменять образа действия» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 62), то есть действовать в соответствии с целью Союза Благоденствия. Причем С.П. Трубецкой особенно подчеркивает, что «цель не может быть иначе как отдалена, потому что дело такого рода, что невозможно положить срока его исполнения» (Записки С.П. Трубецкого, 2011: 62).

Во втором пункте в противовес плану П.И. Пестеля о насильственном захвате власти С.П. Трубецкой считает, что общество может получить властные полномочия исключительно посредством карьерного продвижения его членов. Эта идея развивается в третьем пункте. По мнению

¹ Перевод с фр.: «Мы обязательно начнем с пропаганды» (Дело А.В. Поджио, 1954: 72).

С.П. Трубецкого, военная революция, к которой призывает П.И. Пестель, «повлечет за собою все ужасы французской революции, от которых предохранить Россию есть одна из первых целей общества» (*Записки С.П. Трубецкого, 2011: 62*). Под «ужасами французской революции» С.П. Трубецкой подразумевал неконтролируемый всплеск насилия. Как показал П. Гениффе, революционный террор стал неизбежным следствием ломки старого режима (*Gueniffey, 2018: 906–918*). Таким образом, С.П. Трубецкой отвергает революционный путь развития общества, считая, что восстание приведет к кровопролитию и возможной гражданской войне. Отметим, что подобное отрицание французской революции было свойственно не только российским «революционерам», очень похожая картина наблюдалась в Германии в 1840-е гг. (*Moeller, 2017: 610*).

В четвертом пункте комментируются предложения П.И. Пестеля о создании общей директории и жесткой централизации общества. По С.П. Трубецкому, пойти на это значило бы «сделаться прочим членам слепыми орудиями этих лиц». Содержание этого пункта отсылает нас к критике устава Союза Спасения и демонстрирует в С.П. Трубецком неприятие оформления тайного общества в форму строго централизованной организации.

В пятом пункте «Русской правды» рассматривается как предложение о проведении перечня реформ, которые, согласно С.П. Трубецкому, «не могут быть приложены к Русскому Государству». Подобное замечание свидетельствует о негативной оценке С.П. Трубецким предложений П.И. Пестеля в аграрном вопросе и в вопросе о государственном устройстве. Польскому вопросу посвящен шестой пункт, где С.П. Трубецкой категорически отвергает возможность восстановления Польши. При этом в данном пункте содержится и положительное предложение о национальном вопросе: «Справедливость требует, чтобы как поляки, так и прочие покоренные Русскими народы пользовались одними с ними правами» (*Записки С.П. Трубецкого, 2011: 63*). Таким образом, С.П. Трубецкой отвергает в данном случае право поляков на национальное самоопределение, но при этом выступает за политическое равноправие всех народов Российской империи.

Итак, согласно С.П. Трубецкому, предложения П.И. Пестеля были отклонением от вектора развития тайного общества. Принятой на юге программы Северное общество противопоставляло основные идеи, характерные еще для Союза Благоденствия: демократичная структура организации, приоритетность пропаганды над подготовкой заговора, стремление к решению крестьянского вопроса без радикальной ломки существующих поземельных отношений. Надо отметить, что позиция С.П. Трубецкого в период Московского заговора 1817 года, другого переломного эпизода в жизни тайного общества, была аналогичной (*Belousov, 2018: 29–40*).

Наряду с «положительной» программой в редакции «Записок» С.П. Трубецкого из коллекции И.А. Шляпкина обращает на себя внимание то, каким образом изображена сюжетная линия петербургских совещаний. С.П. Трубецкой излагает следующую последовательность действий: П.И. Пестель приехал, и «в собраниях, которые были для совещания с ним, он представлял «необходимость изменить образ действий»». «Эти речи сильно взволновали присутствующих членов» и «вызвали жаркие возражения» (*Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 62*). Во время пребывания в Петербурге П.И. Пестель «некоторых из молодых членов <...> убедил принять некоторые из его мнений». Приведенные доводы, составляющие положительную программу Северного общества, «убедили тех членов, которые были поколеблены рассуждениями П[естеля], – доверенность к нему истребилась». По итогам петербургских совещаний «разрыв обоих отделений общества был неизбежен» (*Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 62*).

Приведенные данные позволяют скорректировать представление о ряде эпизодов петербургских совещаний. Речь идет, прежде всего, о встрече П.И. Пестеля с С.П. Трубецким, произошедшей вскоре после приезда первого. П.И. Пестель изложил С.П. Трубецкому свою программу, который на следствии об этом скажет: «Выслушав таковой вздор, я уведомил наших членов, что Пестель бредит» (*Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 15*). Н.С. Захаров предположил, что «Трубецкой свое несогласие преувеличивал» (*Захаров, 1954: 96*). Содержание и тон записок указывают на масштабные противоречия и антипатию к южному лидеру, учитывая которые едва ли можно говорить о преувеличении.

Кроме того, Н.С. Захаров подчеркнул, что «предложение Пестеля поколебало политические взгляды Трубецкого». Аргументируя это сбивчивым показанием самого С.П. Трубецкого о том, что ему «должно было с ним притвориться как тогда, так и после, и иногда показывать, что я вхожу в некоторые его виды» (*Захаров, 1954: 27*). Сам же П.И. Пестель отмечал, что «Трубецкой решительного образа мыслей не показывал: то был согласен на республику, то опять оспаривал ее» (*Дело П.И. Пестеля, 1927: 162*). Сопоставление этих показаний сформировало мнение о колебаниях С.П. Трубецкого. Но наличие положительной программы у северного лидера и факт того, что она не отобразилась в показаниях П.И. Пестеля, указывают на то, что С.П. Трубецкой в разговоре с П.И. Пестелем действительно «притворялся».

Вторая встреча между С.П. Трубецким и П.И. Пестелем произошла на заключительном этапе петербургских совещаний, где последний выступил с предложением создать совместную директорию Северного и Южного обществ в составе С.П. Трубецкого, П.И. Пестеля и А.П. Юшневского. Аргументом в выборе кандидатуры А.П. Юшневского со стороны П.И. Пестеля была его бездеятельность, что в глазах С.П. Трубецкого могло бы выглядеть так: С.П. Трубецкой соглашается

на слияние обществ, за что П.И. Пестель признает его единственным полноправным руководителем на севере. Но, как утверждает О.И. Киянская, А.П. Юшневский был ключевой фигурой на юге: «Пестель и Юшневский были единомышленниками и верными соратниками» (Киянская, 2005: 33). При этом А.П. Юшневский был одним из главных организаторов восстания на юге. Внешне это предложение напоминает состав комиссии, образованной при написании статута Союза Спасения. Можно предположить, что эта ассоциация была еще одним аргументом в пользу того, чтобы отклонить подобное предложение.

Итак, петербургские совещания закончились полным провалом П.И. Пестеля. Его предложения не вызвали сочувствия членов столичной организации, скорее, привели к отторжению и конфронтации, по крайней мере между С.П. Трубецким и П.И. Пестелем. После петербургских совещаний в письме «С. Муравьеву было сообщено все, что происходило в столице в бытность П[естеля], и поручено ему наблюдение за его действиями и противодействие им» (Киянская, 2005а: 53). Пройдет более полугодя, как С.П. Трубецкой отправится по делам службы в Киев, где перед ним будет стоять похожая, как и у П.И. Пестеля, задача – присоединить южных членов к своему «образу действия».

В конце 1824 года в ситуации заочной борьбы с П.И. Пестелем С.П. Трубецкому предоставляется великолепный шанс перевести противостояние на новый уровень: лично отправиться на юг и, воздействуя на братьев Муравьевых-Апостолов, нивелировать успехи южного лидера последних лет. Дело в том, что князь А.Г. Щербатов был назначен командующим 4-м пехотным корпусом 1-й армии. С князем С.П. Трубецким он был хорошо знаком; в 1821 году, находясь в Париже, был гостем на его свадьбе (Кологривов, 1936: 229). Осенью 1824 г. он предложил С.П. Трубецкому занять должность дежурного офицера штаба и таким образом перебраться в Киев. Назначение состоялось 22 декабря 1824 г. (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 4). В феврале 1825 г. (Дело С.М. Семенова 1984: 177) С.П. Трубецкой выезжает из Санкт-Петербурга и отправляется к месту службы за некоторое время до князя Щербатова, который задерживался в столице (Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927: 237–238), и «в марте месяце сего 1825 года» (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 16) прибывает в Киев.

А.Г. Готовцева и О.И. Киянская в статье «Человек, заслуживающий доверия» (Готовцева, Киянская, 2011: 106–139) под иным углом рассмотрели вопрос о назначении С.П. Трубецкого в штаб 4-го пехотного корпуса. Сопоставляя этот поворот служебной карьеры с назначением генерал-полицмейстером 1-й армии Ф.Ф. Эртеля в 1823 г., исследователи предположили, что С.П. Трубецкой добивался должности, чтобы обезопасить тайное общество от раскрытия. Тем не менее, противостояния, к которому подводят А.Г. Готовцева и О.И. Киянская, не произошло. С.П. Трубецкой и Ф.Ф. Эртель пробыли в Киеве вместе чуть более месяца. В апреле 1825 г. последний скончался.

Учитывая утверждения А.Г. Готовцевой и О.И. Киянской, однако следует подчеркнуть, что в ходе допросов С.П. Трубецкой так сформулировал задачу, которую ставил перед собой по делам общества: «В 1824 году, в исходе, отправился я в 4 корпус. <...> Одна из обязанностей моих была наблюдать за Пестелем, ибо он вовсе отделился» (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 10). Стоит отметить, что в ходе первых допросов, на что обратили внимание А. Готовцева и О. Киянская в другой статье «К истории несостоявшейся революции» (Готовцева, Киянская, 2007: 102–162), С.П. Трубецкой дает акцентированную негативную оценку П.И. Пестелю, чтобы отвлечь внимание правительства от С.И. Муравьева-Апостола. Но фраза из следственного дела практически дословно дублируется в «Записках» С.П. Трубецкого: «петербургские члены видели необходимость бдительным оком следить за действиями его <...>; вскоре представилась возможность усилить это наблюдение» (Трубецкой, 1983: 228).

Но противодействие П.И. Пестелю было лишь одной из установок. Основной позитивной задачей было «соединить старых членов и дать им средства к действию по прежде принятым началам», а кроме того «войти в сношение с Польским обществом и убедить его, что Польша существовать не может отдельно от России» (Трубецкой, 1983: 229). Таким образом, С.П. Трубецкой ставил перед собой цель переломить неверный, по его мнению, пестелевский вектор развития Южного общества, оттеснить его и действовать совместно со старыми проверенными товарищами, прежде всего в лице братьев Муравьевых-Апостолов. О.И. Киянская обратила внимание, что «план этот был копией тактических разработок Пестеля», потому что подразумевал объединение обоих обществ, подготовку одновременного выступления и севера, и юга. «Правда, осуществить все это необходимо было без участия Пестеля» (Киянская, 2005а: 220).

В период появления С.П. Трубецкого в Киеве в Южном обществе уже намечался раскол. В январе 1825 г. на Киевских контрактах состоялся 4 съезд руководителей Южного общества, который в том числе рассматривал план восстания, предложенный Сергеем Муравьевым-Апостолом. Он, как и М.П. Бестужев-Рюмин, не смог приехать, и вместо них Васильковскую управу представляли И.С. Повало-Швейковский и В.К. Тизенгаузен. Видимо, они представляли мнение С.И. Муравьева-Апостола, о чем свидетельствует В.Л. Давыдов, участвовавший в съезде: «возобновил предложение о начатии возмутительных действий» (Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927: 401).

План С.И. Муравьева-Апостола заключался в том, чтобы в ходе царского смотра 3 корпуса переодетые офицеры вышли в караул Александра I и убили его, после чего планировалось начать

восстание на юге. Он считал, что стоит только начать действовать, как все «само собой» начнет развиваться, о чем он писал в письме В.К. Тизенгаузену ([Дело В.К. Тизенгаузена, 1954: 244–246](#)). План С.И. Муравьева-Апостола, навеянный испанской и итальянской революциями 1820-х годов, своей романтичностью полностью противоречил прагматичному подходу П.И. Пестеля к вопросам организации революции. Хотя, безусловно, имел шансы на успех: периферийные восстания в Испании, с одной стороны, спровоцировали либеральную революцию 1820–1823 гг., а с другой стороны, по мнению А.А. Терещука, были основным средством давления на власть у консерваторов и в конечном счете переросли в Карлистскую войну ([Терещук, 2017: 84](#)).

П.И. Пестель на протяжении нескольких лет тщательно разрабатывал «Русскую правду», занимался вопросами конкретного маршрута движения восставших частей, обеспечения их продовольствием, организацией связи между ними. Кроме всего прочего, П.И. Пестель считал, что восстание должно начаться в Петербурге как «средоточие всех властей». Поэтому неудивительно, что П.И. Пестель счел план, предложенный Васильковской управой, неподготовленным: он показывал: «Я, Юшневский, Давыдов, князь Волконский и князь Барятинский сильно тогда спорили противу оного во время Киевских контрактов 1825 года и совершенно оное тогда опровергнули» ([Дело П.И. Пестеля, 1927: 104](#)).

Именно в этот период в Киев переезжает князь С.П. Трубецкой. По показаниям П.И. Пестеля «князь Сергей Трубецкой по прибытии в Киев действовал с сею (Васильковской. – М.Б.) управою» ([Дело П.И. Пестеля, 1927: 110](#)). Сам С.П. Трубецкой так описывает ситуацию в Южном обществе в момент своего приезда: «Скоро по приезде моем в Киев увиделся я с Сергеем Муравьевым-Апостолом, который уверил меня, что он ни мало не вдался Пестелю и что он с другими членами общества из их дивизии дали друг другу слово против Пестеля» ([Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 35](#)).

Контакты с Васильковской управой установились достаточно быстро. С.П. Трубецкой показывает: «9[-я] дивизия начала ходить в караул, в Киев, я стал часто видеться с Муравьевым и Бестужевым, которые <...>, приезжая в Киев, останавливались у меня» ([Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 35](#)). Брат Сергея Муравьева-Апостола Матвей в письме от 27 мая И.Д. Якушкину сообщает: «Я съездил повидаться с братом Сергеем и имел удовольствие провести с ним несколько дней. Видел я и С. Трубецкого, который основался в Киеве. <...> Мне нечего тебе говорить, что много было между нами переговорено <...>» ([Записки Якушкина, 2007: 245](#)). Таким образом, с приездом С.П. Трубецкого стал складываться политический альянс одного из руководителей Северного общества с лидерами Васильковской управы. Совместная политическая деятельность, обсуждение конституционных проектов, дискуссии о плане восстания сопровождалась дружескими взаимоотношениями между заговорщиками и их семьями.

Друзья С.П. Трубецкого были и друзьями его жены – Екатерины Ивановны. Поэтому неудивительно, что она слышала обрывки разговоров на политические темы и могла предполагать о сути скрываемой деятельности. Ее сестра З.И. Лебцельтерн в воспоминаниях, посвященных Екатерине Ивановне, приводит следующую мысль: «Только узнав о том, что главные из них в тюрьме и во всем признались, она стала в разговоре касаться того предмета, о котором спорили заговорщики в ее присутствии, ибо она их знала как близких друзей мужа» ([Лебцельтерн, 1975: 182](#)). Она не воспринимала происходящие обсуждения всерьез, и ей казалось, что все эти разговоры «просто ради забавы». Кроме того, З.И. Лебцельтерн рассказывает об одном из таких совещаний, так напугавшем ее сестру своей резкостью, что она, отведя в сторону С.И. Муравьева-Апостола, сказала: «Ради бога, подумайте, что вы делаете, вы и нас всех погубите, и свои головы положите на эшафот». На что тот ответил: «Неужели вы думаете, что мы не делаем все, что нужно, чтобы обеспечить успех наших замыслов? К тому же речь идет о совершенно неопределенном времени, не бойтесь же» ([Лебцельтерн, 1975: 184](#)).

Можно сделать вывод о том, что после приезда С.П. Трубецкого в Киев в Южном обществе значительно изменился расклад сил. Если ранее деятельность С.И. Муравьева-Апостола и М.П. Бестужева-Рюмина имела периферийное значение, их предложения и планы блокировались П.И. Пестелем и его сторонниками, то теперь именно вокруг лидеров Васильковской управы и одного из директоров Северного общества складывается независимый центр силы. Свообразным штабом деятельности заговорщиков являлась киевская квартира С.П. Трубецкого, которая стала местом собраний офицеров 3-го и 4-го корпусов. Обращает на себя внимание донесение капитана В.С. Сотникова, агента генерала К.Ф. Толя на юге, от 2 января 1826 г.: «Узнал я, что с полковником кн. Трубецким, кроме Муравьева-Апостола и Бестужева, были в весьма коротких связях подполковник Гротенгельм и еще один штаб-офицер <...>, я принимаю сего штаб-офицера за полковника Тизенгаузена. Также весьма часто посещал Трубецкого адъютант князя Щербатова Норов» ([Донесение гвардии капитана В.С. Сотникова, 1929: 17](#)).

На квартире у С.П. Трубецкого братьями Муравьевыми-Апостолами был принят в члены тайного общества А.О. Корнилович ([Корнилович, 1957: 418–419](#)). Упоминания о встречах на квартире С.П. Трубецкого присутствуют также в следственном деле полковника В.К. Тизенгаузена: «Забыл было объявить еще, что мне известно, что полковник К. Трубецкой – также член Общества <...>, возобновил с ним знакомство прошедшего лета при разводе, <...> был несколько разов у его в доме, но никогда разговор не касался до общества» ([Дело князя Е.П. Оболенского, 1925: 257](#)).

В.К. Тизенгаузен в ходе дознания настойчиво отрицал свою связь с заговорщиками, признавая, что бывал у С.П. Трубецкого, но общение ограничивалось либо общими разговорами, либо служебными обязанностями.

При этом С.П. Трубецкой последовательно стремился установить наблюдение за П.И. Пестелем. Он попытался привлечь к этому И. Бурцова: «Я просил Нарышкина полковника в проезде его через Киев, чтобы он, увидевшись с полковником Бурцовым, узнал от него, <...> на какой он ноге с Пестелем, и чтоб за ним наблюдал, но осторожно, не выставляя себя» ([Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 17](#)). О реализации этой попытки ничего неизвестно. Кроме полковника И. Бурцова за П.И. Пестелем должен был наблюдать М.П. Бестужев-Рюмин. О.И. Киянская отмечает, что эта попытка провалилась. Она ссылается на допрос М.П. Бестужева-Рюмина, где тот резко отрицательно ответил на вопрос о своем наблюдении за П.И. Пестелем ([Киянская, 2005а: 221](#)). Но в другом месте ([Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1050: 66](#)) М.П. Бестужев-Рюмин сообщает, что несколько раз возил П.И. Пестелю письма от С.П. Трубецкого, в которых последний сообщал нейтральные сведения о планах приехать в Петербург. Видимо, таким образом М.П. Бестужев-Рюмин невольно реализовывал план С.П. Трубецкого.

Отношения с П.И. Пестелем лидеров Васильковской управы и С.П. Трубецкого двигались к разрыву. После приезда С.П. Трубецкого в Киев С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин начинают действовать независимо от П.И. Пестеля, лишь изредка сообщая о своих действиях. К подобному уведомлению можно отнести визит М.П. Бестужева-Рюмина в сентябре 1825 года к П.И. Пестелю. Последний показывал, что в ходе Лещинских лагерей к нему приехал М.П. Бестужев-Рюмин и сообщил план, по которому намерена действовать Васильковская управа и князь С.П. Трубецкой как представитель Северного общества. П.И. Пестель в своих показаниях обозначил это намерение как второй Белоцерковский план, указав, что он, в общем и целом, повторял предложения, сделанные на киевских контрактах в январе 1825 г.

Стоит обратить внимание, что именно из-за показаний П.И. Пестеля в литературе принято относить разработку этого плана ко второй половине 1825 г. В частности М.В. Нечкина писала: «План этот и “возродился” во второй половине 1825 г.» ([Нечкина, 1955: 129](#)). В этой связи обращают на себя внимание показания А.О. Корниловича: «Здесь 1 мая 1825 года после разговора, продолжавшегося около 2 или 3 часов, убедил он меня сделаться членом Южного патриотического общества. Сер[гей] Мур[авьев]-Ап[остол] говорил мне, что они, полагая, что покойный государь импер[атор] будет осматривать в мае 1826 года 2 армию, намеревались в то время схватить его и принудить к подписи условий, которые ему будут представлены» ([Дело А.О. Корниловича, 1969: 326](#)). Из этого показания можно сделать вывод, что второй белоцерковский план стоит относить не ко второй половине 1825 года, а к концу апреля – началу мая.

Модифицированный план предполагал начало восстания в виде ареста Александра I на смотре войск. Затем издание двух прокламаций – к войску и к народу. Далее планировалось, что войска 3 корпуса двинутся на Киев и Москву «с надеждой, что к нему присоединятся прочие, на пути его расположенные войска без предварительных даже с ними сношений» ([Дело П.И. Пестеля, 1927: 104](#)). В Москве было необходимо потребовать у Сената совершить преобразование государства. Остальные части Южного общества должны были занять Киев, а Северное общество – поднять восстание в Петербурге.

Во время Лещинских лагерей, когда полковника И.С. Повало-Швейковского отстранили от командования полком, обсуждалась возможность немедленно начать действия. В этом случае предполагалось, что возмущение начнется не с убийства императора, а с ареста начальника Главного штаба 1-й армии К.Ф. Толя и командующего 3-м корпусом Л.О. Рота. С.П. Трубецкому в реализации этих планов отводилось важное место. М.П. Бестужев-Рюмин на следствии показал: «В Петербург мы намеревались (в 1825-м году) послать Трубецкого, ибо он там был один из директоров» ([Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1950: 67](#)).

Также в рассматриваемый период происходит еще одно важное и симптоматичное событие – присоединение Общества соединенных славян. Переговоры об этом с ним вел М.П. Бестужев-Рюмин. О.И. Киянская обратила внимание, что «изучая объединительные “речи” Бестужева-Рюмина, нетрудно убедиться, что практически все они построены на, мягко говоря, недостоверной информации» ([Киянская, 2005а: 242](#)). М.П. Бестужев-Рюмин преувеличивал масштабы развития декабристских обществ и количества сил, на которые они могут опереться. Стоит обратить внимание, что имя С.П. Трубецкого в этих рассказах звучало в двух ситуациях: он был изображен как основной организатор восстания 4-го корпуса. М.М. Спиридов 2 февраля 1826 года показывал: «На другой день приходит ко мне подполковник Муравьев с таковыми же предложениями, рассказывая, что вся 2-Армия на сие согласна, что 4-Корпус, в котором действует князь Трубецкой, также на их стороне» ([Дело М.М. Спиридова, 1926: 111](#)). Ему вторил И.И. Горбачевский: «Он (Бестужев-Рюмин. – М.Б.) послан для вооружения 3-го Корпуса, для 4 корпуса князь Трубецкой, а для 2 армии Полковник Пестель» ([Дело М.М. Спиридова, 1926: 188](#)).

Другое упоминание о С.П. Трубецком еще более любопытно. В.А. Бечасный 8 февраля 1826 г. показал: «Для исполнения сего предприятия в 1816-м году писана была Конституция и очень хорошо обдуманна, которую Князь Трубецкой возил за границу для одобрения к известнейшим публицистам»

(Дело М.М. Спиридова, 1926: 279). В связи с этим показанием М.П. Бестужев-Рюмин дал свое объяснение. Он сослался на С.П. Трубецкого, чтобы упростить ход переговоров: «Назвал же я Славянам Трубецкого, а не другого, потому что из членов он один возвратился из чужих краев; что, живши в Киеве, куда славяне могли прислать Депутата <...>, быв человек зрелых лет и полконичьего чина, он бы вселил более почтения и доверенности, нежели 23-х летний подпоручик» (Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1950: 78).

С аргументацией М.П. Бестужева-Рюмина сложно не согласиться. Но полковников и людей зрелых лет в Васильковской управе было несколько. Непосредственно с Обществом соединенных славян также вел переговоры подполковник С.И. Муравьев-Апостол. Видимо, М.П. Бестужев-Рюмин считал, что только С.П. Трубецкой точно и понятно сможет объяснить вновь принимаемым членом не только основные программные установки, но и тонкости и детали конституционной концепции декабристов.

Результат деятельности С.П. Трубецкого наиболее точно в своих показаниях оценил С.И. Муравьев-Апостол, считая, что его приезд, как одного из директоров Северного общества, «облегчив сношения обоих обществ, сблизил их более чем когда-либо» (Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927: 284). Намеченный план был реализован. Действуя совместно с Васильковской управой, С.П. Трубецкой смог нивелировать влияние П.И. Пестеля. Был разработан план восстания, на основе которого могли бы объединиться Северное и Южное общества. Важно отметить, что в ходе петербургских совещаний 1824 г. П.И. Пестель пытался решить похожую задачу, но своей категоричностью настроил некоторых членов Северного общества против себя.

С.П. Трубецкой действовал на юге более мягко и тонко. Лидеры Васильковской управы были убеждены, что это они присоединили С.П. Трубецкого к своему плану. С.И. Муравьев-Апостол в письме брату Матвею утверждал: «Вы знаете петербургскую бесстрастность и осторожность, которая овладела С. Трубецким. Ну, мой дорогой друг, узнайте, что после месяца своего пребывания Бестужев так хорошо взялся за него, что не только сам Сергей искренне присоединяется к югу, но и обещает присоединить к нему весь север. Я полагаю, дорогой Матвей, что это было нелегкой вещью и услуга значительная для нашего дела» (Порох, 1954: 148).

В конце октября 1825 г. С.П. Трубецкой получил отпуск и отправился с супругой в Санкт-Петербург. В воспоминаниях М.И. Муравьева-Апостола отобразился эпизод перед отправлением С.П. Трубецкого в столицу: «Брат Сергей Иванович приехал в Киев просить отъезжающего князя Трубецкого, чтобы он всеми силами воспрепятствовал там всякой попытке к восстанию, предвидя лишь напрасные жертвы» (Воспоминания и письма, 1982: 191). Естественно, взгляд мемуариста ретроспективен, в октябре Александр I был жив, еще никто не мог предполагать возникновения чрезвычайной ситуации междоусобия. Поэтому речь идет, прежде всего, об отказе от мысли начинать действие в Санкт-Петербурге. Отсюда задачей поездки С.П. Трубецкого было присоединить Северное общество к разработанному в Васильковской управе плану: «При отъезде моем из Киева я обещал и Сергею Муравьеву-Апостолу, и Бестужеву-Рюмину, что я и в Петербурге, и в Москве все устрою по их желанию» (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 100).

8 или 10 ноября 1825 г. (Дело князя С.П. Трубецкого, 1925: 10) он приехал в Санкт-Петербург. Короткий отпуск должен был продлиться около двух недель. Отъезд был назначен на 25 ноября 1825 г.¹ Формальной целью поездки было навестить родственников жены, проживающих в столице. Реальная же цель заключалась в том, чтобы в течение этого времени провести переговоры с Северным обществом, познакомить его лидеров с планом Васильковской управы относительно намеченного на 1826 г. восстания.

С.П. Трубецкой нашел Северное общество сильно изменившимся за время его отсутствия. Еще в декабре 1824 г. его место в Северной думе занял К.Ф. Рылеев. Подробно рассматривая историю Северного общества, К. Аксенов приходит к выводу, что «со второй половины 1824 года К.Ф. Рылеев все с большой силой и полнотой проявляет себя как крупнейший организатор декабристов Севера» (Аксенов, 1951: 205). Главной его заслугой стало создание в этот период своего течения в обществе, получившего наименование отрасли К.Ф. Рылеева. К. Аксенов называет «основным, наиболее прочным и крепко сколоченным костяком рылеевской группы» (Аксенов, 1951: 208) братьев Бестужевых, И.И. Пущина, Е.П. Оболенского, П.Г. Каховского, А.Ф. Бригена, А.И. Одоевского, указывая, что именно они приняли «абсолютное большинство активнейших деятелей периода подготовки восстания» (Аксенов, 1951: 209). В конечном итоге К. Аксенов приходит к выводу, «что накануне восстания в петербургской организации было очень мало «старых» членов, принятых в дорылеевский период» (Аксенов, 1951: 233).

Деятельности К.Ф. Рылеева в 1825 г. уделяет первостепенное значение М.В. Нечкина. Прежде всего она категорически возражала против термина «отрасль», настаивая, что «это понятие никак не покрывает <...> фактической роли К.Ф. Рылеева и его единомышленников» (Нечкина, 1955: 92). В монографии представлена картина коренного изменения в Северном обществе: место прежних умеренных и связанных с придворными кругами лидеров занимают люди с радикальными

¹ С.П. Трубецкой в «Замечаниях на Записки декабриста В.И. Штейнгейля» писал: «25-го я должен был выехать из Петербурга» (Трубецкой, 1983: 296).

демократическими взглядами и республиканскими убеждениями. Смещается акцент в деятельности общества: Н.М. Муравьев и С.П. Трубецкой уделяли внимание, прежде всего, разработке Конституции, К.Ф. Рылеев же «не проявил ни малейшего энтузиазма по отношению» (Нечкина, 1955: 92) к ней. На первый план выходит литературная деятельность как форма пропаганды и подготовки восстания. М.В. Нечкина рассматривает такие действия К.Ф. Рылеева, как попытку создания отрасли в Кронштадте и привлечение А.И. Якубовича как форму работы над «Планом действия».

В.М. Бокова значительно дополнила эту точку зрения. Она подчеркнула, что отрасль К.Ф. Рылеева «с первых дней своего существования фактически начала создание собственных внутренних организационных правил» (Бокова, 2003: 461). В результате чего в 1825 г. была также преобразована структура общества. Члены Северной Думы стали «распорядителями», а Северной Думой стала Дума отрасли К.Ф. Рылеева. В итоге «Северное общество целиком стало обществом Рылеева» (Бокова, 2003: 463). В.М. Бокова предположила, что это изменение можно считать формой подготовки к объединению с П.И. Пестелем и Южным обществом. Согласно В.М. Боковой, существенно изменились и правила приема: С.П. Трубецкой ранее требовал принимать в общество людей более рассудительных и избегать «пустой молодежи», а К.Ф. Рылеев делал ставку на увлеченность принимаемого. «Рылеев считал возможным введение в орбиту действия общества всякого недовольного» (Бокова, 2003: 471), что наносило серьезный удар надежности конспирации общества.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в историографии изменения в Северном обществе в 1825 г. оцениваются как существенные и, можно сказать, революционные. За время отсутствия С.П. Трубецкого в Санкт-Петербурге «рылеевский актив» подмял под себя существовавшие организационные структуры. Seriously изменился возрастной состав общества. Северная организация стала объединением молодых (Лурье, 1978: 64–83) литераторов с радикальными демократическими взглядами. Именно в таком состоянии обнаружил Северное общество С.П. Трубецкой после возвращения из Киева.

Необходимо рассмотреть, как он оценивал произошедшие изменения и относился к новому северному лидеру К.Ф. Рылееву. О.И. Киянская, пытаясь ответить на похожий вопрос, как П.И. Пестель относился к К.Ф. Рылееву в ходе петербургских совещаний, пришла к следующему выводу: «Однако вряд ли Пестель <...> видел перед собой знаменитого поэта или удачливого коммерсанта. Скорее – отставного подпоручика, маргинала, только что вступившего в заговор» (Киянская 2005а: 118). К.Ф. Рылеев был из небогатой семьи, «по своей психологии человеком сугубо штатским» (Киянская 2005а: 116). Участвовал в заграничных походах, но за срок службы в отличие от большинства товарищей не был удостоен ни наград, ни повышений. Прослужив с 1821 по 1824 гг. заседателем в Петербургской палате, сосредоточился на литературной карьере. Наверное, в определенной мере «маргиналом» К.Ф. Рылеев казался не только П.И. Пестелю, но и С.П. Трубецкому.

Изменения, произошедшие в столичной организации, С.П. Трубецкой оценивал крайне негативно. Они противоречили традициям организации и его стремлению формировать общество из основательных и рассудительных людей и избегать «пустой молодежи». Вспоминая об этом в Сибири, он высказал даже сожаление о том, что уезжал на юг: «Может быть, удалившись из столицы, Трубецкой сделал ошибку. Он оставил управление общества членам, которые имели менее опытности и, будучи моложе, увлекались иногда своею горячностью и действие которых не могло производиться в том кругу, в котором мог действовать Трубецкой» (Трубецкой, 1983: 228). Эта оценка дана через много лет после произошедших событий, и, тем не менее, позиция С.П. Трубецкого очевидна, но акценты уже смягчены. Как оценивал С.П. Трубецкой состояние Северного общества непосредственно в ноябре 1825 г., можно заключить из его действий. Перед ним стояла задача присоединить петербургских членов к запланированному восстанию Васильковской управы. Это значило посвятить их в план восстания, согласовать действия в ходе реализации плана, распределить обязанности, то есть выполнить полноценную подготовку Северного общества к событиям, которые должны были случиться через полгода – летом 1826 г. Значит, было необходимо провести с К.Ф. Рылеевым как основным лидером изменившегося Северного общества полноценные переговоры, сообщив ему вышеобозначенную информацию.

К.Ф. Рылеев в ходе следствия принял решение о сотрудничестве и давал подробные и основательные показания. Значит, возможные переговоры С.П. Трубецкого с Северным обществом должны были отразиться в следственном деле К.Ф. Рылеева. Впервые про Южное общество и участие в его деятельности С.П. Трубецкого он написал на первом допросе: «Около Киева в полках существует общество. Трубецкой может пояснить и назвать главных» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 152). К.Ф. Рылеев утверждал на протяжении следствия, что ему мало известно о Южном обществе, и действительно, сопоставляя разновременные показания, можно убедиться, что К.Ф. Рылееву были известны лишь обрывочные факты. Наиболее подробно темы Южного общества он касался на допросе 24 апреля 1826 г. На прямой вопрос «Что было сделано Трубецким?» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 170) К.Ф. Рылеев ответил: «По приезде сюда из Киева Трубецкого он объяснил мне и Оболенскому, что дела Южного общества в самом хорошем положении, что корпуса Князя Щербатова и генерала Рота совершенно готовы, не исключая нижних чинов, на которых найдено прекрасное средство действовать через

солдат Семеновского полка, и что ему поручено узнать, в каком положении Северное общество» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 179). А на вопрос о планах покушения на жизнь императора К.Ф. Рылеев в том числе заявил: «От Трубецкого же слышал я, что в минувшем 1825 году открыто на юге Сергеем Муравьевым целое общество, имеющее целью истребить Государя, и что оно присоединено к Южному обществу» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 180).

Получается, что К.Ф. Рылееву было известно о существовании общества в двух корпусах и об их готовности восстать. Обрывочно было известно о пропаганде среди солдат; под «открытым Сергеем Муравьевым обществом» можно узнать общество соединенных славян. Ключевые вопросы подготовки мятежа на юге – арест во время смотра войск, план восстать летом 1826 года, основные военные предводители восстания – были К.Ф. Рылееву во время следствия неизвестны. Проанализировав рассматриваемый источник, можно согласиться с самим К.Ф. Рылеевым, который еще в ходе первых показаний заявил: «Об Южном Обществе я не знал ничего обстоятельно (sic! – М.Б.) и теперь не знаю» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 164). Единственное, что понял К.Ф. Рылеев из разговоров с С.П. Трубецким, что «он и там играет важную роль» (Дело К.Ф. Рылеева, 1925: 154).

Перед С.П. Трубецким стояла задача присоединить Северное общество к планам Васильковской управы. Решение этой задачи подразумевало проведение переговоров с лидерами Северного общества. Таковым в ноябре 1825 г. практически единолично являлся К.Ф. Рылеев. С.П. Трубецкой сообщил ему лишь самую поверхностную информацию, а значит, уже сам для себя отказался от реализации своего плана. Этот отказ демонстрирует, что С.П. Трубецкой считает ненужным содействие Северного общества образца 1825 года в ходе планируемого Васильковской управой восстания. Отказ от переговоров с К.Ф. Рылеевым означал, что мятеж на юге не будет поддержан в столице. Это принципиальное решение по важному вопросу, для принятия которого необходимы были достаточно веские обстоятельства.

Видимо, этими обстоятельствами были изменения, произошедшие в Северном обществе в 1825 г. Из закрытой и достаточно скрытной организации под влиянием К.Ф. Рылеева общество сильно помолодело, радикализировалось, его основным ядром стала «кричащая молодежь», о которой так неслестно отзывался С.П. Трубецкой ранее. Вступить в «обстоятельные» переговоры значило бы сообщить Северному обществу образца 1825 г. подробную информацию о планах восстания, о его руководителях и задействованных в его подготовке офицерах. Раскрыть всю эту информацию значило бы подвергнуть себя серьезному риску.

Учитывая обозначенные обстоятельства, С.П. Трубецкой уезжал в Киев ни с чем. Отъезд был запланирован на 25 ноября. Но именно в эти дни ситуация кардинально изменилась. 19 ноября 1825 г. в Таганроге скончался император Александр I. В столицу, естественно, информация поступала с опозданием. 25 ноября 1825 г. по Петербургу стали распространяться слухи о тяжелой болезни императора Александра I, а 27 ноября стало достоверно известно о его смерти. Начиналось междуцарствие, запутанная ситуация с наследованием престола предвещала начало очередной Смуты (Дворниченко, 2018: 698).

5. Заключение

Подведем основные итоги статьи. В Российской империи в 1825 г. наблюдалась ситуация, чем-то похожая на положение накануне Февральской революции (Куликов, 2017а: 545–559; Куликов 2017б: 736–750), существовала сильная оппозиционная сила, охватывавшая различные сферы государственного строя: армию, высшие учреждения, общественную и культурную жизнь. Но в отличие от 1917 г. оппозиционное движение было раздираемо противоречиями и не могло действовать консолидированно. Существовал очаг взаимного недовольства между Северным обществом и лидером южан П.И. Пестелем, стремившимся навязать петербургскому тайному обществу свой конституционный проект и программу действий. Кульминацией столкновения стали петербургские совещания, в ходе которых произошел окончательный разрыв между П.И. Пестелем и С.П. Трубецким. Южане стали создавать в столице ячейку своего общества, а С.П. Трубецкой отправился в Киев – местонахождение Васильковской управы, именно той структуры Южного общества, лидеры которой и ранее расходились с П.И. Пестелем в вопросе о характере будущего восстания. Активные контакты С.П. Трубецкого с С.И. Муравьевым-Апостолом и М.П. Бестужевым-Рюминым привели к окончательному обособлению Васильковской управы. В этот период взгляды С.П. Трубецкого претерпевают изменения, и он начинает поддерживать идею о периферийном восстании по образу проницианто полковника Р. Риго. Но, вернувшись ненадолго в Петербург, он обнаруживает Северное общество сильно изменившимся. Встречи с его новым лидером К.Ф. Рылеевым заставляют С.П. Трубецкого принять решение не посвящать того в планы Васильковской управы. Он готовился вернуться в Киев, но именно в этот момент приходит известие о болезни, а позднее и о смерти Александра I. Как отмечается в статье, к этому переломному моменту тайное общество декабристов подошло раздираемое противоречиями. Наверное, именно в этом обстоятельстве следует искать основную причину поражения «первой попытки вооруженного штурма самодержавия».

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-5578.2018.6 «Движение декабристов: от историографии к исторической памяти».

Литература

- Аксенов, 1951** – Аксенов К. Северное общество декабристов. К 125-летию восстания декабристов. Л.: Лениздат, 1951. 320 с.
- Бокова, 2003** – Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: русские общественные объединения первой трети XIX века. М.: Реалии-Пресс, 2003. 651 с.
- Вернадский, 1993** – Вернадский Г. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 81–92.
- Воспоминания и письма, 1982** – Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М.: Издательство Московского университета, 1982. С. 163–226.
- Готовцева, Киянская, 2007** – Готовцева А.Г., Киянская О.И. К истории несостоявшейся революции // Россия – XXI. 2007. № 6. С. 102–162.
- Готовцева, Киянская, 2011** – Готовцева А.Г., Киянская О.И. Человек, заслуживающий доверия // Россия – XXI. 2011. № 6. С. 106–139.
- Дворниченко, 2018** – Дворниченко А.Ю. Смута как фактор российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677–701.
- Дворниченко, Белоусов, 2017** – Дворниченко А.Ю., Белоусов М.С. Движение декабристов в творчестве Георгия Вернадского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 358–374.
- Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1950** – Дело М.П. Бестужева-Рюмина // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 26–176.
- Дело А.О. Корниловича, 1969** – Дело А.О. Корниловича // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 12. М.: Наука, 1969. С. 319–343.
- Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927** – Дело С.И. Муравьева-Апостола // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 4. М.-Л., 1927. С. 227–412.
- Дело князя Е.П. Оболенского, 1925** – Дело князя Е.П. Оболенского // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 1. М.-Л., 1925. С. 219–286.
- Дело П.И. Пестеля, 1927** – Дело П.И. Пестеля // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 4. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. С. 1–226.
- Дело А.В. Поджио, 1954** – Дело А.В. Поджио // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 11. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 31–91.
- Дело К.Ф. Рылеева, 1925** – Дело К.Ф. Рылеева // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 1. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. С. 147–218.
- Дело С.М. Семенова, 1984** – Дело С.М. Семенова // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 18. М.: Наука, 1984. С. 167–197.
- Дело М.М. Спиридова, 1926** – Дело М.М. Спиридова // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 5. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. С. 101–181.
- Дело В.К. Тизенгаузена, 1954** – Дело В.К. Тизенгаузена // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 11. М.-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 239–311.
- Дело князя С.П. Трубецкого, 1925** – Дело князя С.П. Трубецкого (1925) // Материалы по истории восстания декабристов. Т. 1. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. С. 1–145.
- Донесение гвардии капитана В.С. Сотникова, 1929** – Донесение гвардии капитана В.С. Сотникова в штаб 1-й армии от 2 января 1826 г. // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 6. М.-Л.: Государственное издательство, 1929. С. 16–18.
- Дружинин, 1985** – Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Революционное движение в России в XIX веке: Избранные труды. М.: Наука, 1985. С. 5–304.
- Захаров, 1954** – Захаров Н.С. Петербургские совещание декабристов в 1824 г. // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 84–120.
- Записки Якушкина, 2007** – Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. СПб.: Наука, 2007. 739 с.
- Записки декабристов, 1863** – Записки декабристов. Вып. 2–3. Лондон: Вольная русская типография, 1863. С. 1–99.
- Записки Трубецкого, 2011** – Записки С.П. Трубецкого // С.П. Трубецкой. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб.: Лики России, 2011. С. 51–93.
- Ильин, 2003** – Ильин П.В. Новое об истории декабристского движения (по страницам неизвестной рукописи записок С.П. Трубецкого) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 138–146.
- Ильин, 2011** – Ильин П.В. Неизвестные записки С.П. Трубецкого // С.П. Трубецкой. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб.: Лики России, 2011. С. 9–50.

- Егоров, Каменев, 2018** – Егоров А.К., Каменев Е.В. Власть языка и язык власти как постмодернистский контекст исторических исследований // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 506–521.
- Киянская, 2005a** – Киянская О.И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. 355 с.
- Киянская, 2005b** – Киянская О.И. Южное общество декабристов. Люди и события: Очерки истории тайных обществ 1820-х гг. М.: РРГУ, 2005. 442 с.
- Кологривов, 1936** – Кологривов И. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая // *Современные записки*. Париж, 1936. С. 204–249.
- Корнилович, 1957** – Корнилович А.О. Сочинения и письма. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 550 с.
- Куликов, 2017a** – Куликов С.В. Февральская революция спустя сто лет // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 545–559.
- Куликов, 2017b** – Куликов С.В. Февральская революция спустя сто лет (продолжение) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 736–750.
- Лавров, 1926** – Лавров Н.Ф. Диктатор 14 декабря // *Бунт декабристов*. Л.: Былое, 1926. С. 129–222.
- Лебцельтерн, 1975** – Лебцельтерн З.И. Екатерина Трубецкая // *Звезда*. 1975. № 12. С. 179–194.
- Лурье, 1978** – Лурье Л.Я. Некоторые особенности возрастного состава участников освободительного движения в России // *Освободительное движение в России*. Вып. 7. Саратов, 1978. С. 64–83.
- Нечкина, 1955** – Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. М.: Издательство Академии наук, 1955. 507 с.
- Порох, 1954** – Порох И.В. Восстание Черниговского полка // *Очерки из истории движения декабристов*. М., 1954. С. 121–185.
- Пыпин, 1885** – Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1885. 543 с.
- Семевский, 1909** – Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Типография Первой Санкт-Петербургской трудовой артели, 1909. 698 с.
- Терещук, 2017** – Терещук А.А. Особенности протекания Первой Карлистской войны в Каталонии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 82–90.
- Трубецкой, 1906** – Трубецкой С.П. Записки декабриста князя С.П. Трубецкого. СПб.: Типография «Сириус», 1906. 210 с.
- Трубецкой, 1981** – Трубецкой С.П. Записки // *Мемуары декабристов: Северное общество*. М.: Издательство МГУ, 1981. С. 23–75.
- Трубецкой, 1983** – Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983. 416 с.
- Belousov, 2018a** – Belousov M. S. Moscow Conspiracy of the Decembrists // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 29–40.
- Belousov, 2018b** – Belousov M.S. Political Allusions in the Decembrist Revolt // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 345–360.
- Gueniffey, 2018** – Gueniffey P. A History of Violence in the French Revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 908–916.
- Moeller, 2017** – Moeller F. The German revolution of 1848–1849 – new perspectives // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 601–612.

References

- Aksenov, 1951** – Aksenov K. (1951). Severnoe obshchestvo dekabristov. K 125-letiyu vosstaniya dekabristov [Northern Society of the Decembrists. To the 125th anniversary of the Decembrist uprising]. Leningrad; Lenizdat, 320 p.
- Belousov, 2018a** – Belousov M.S. (2018). Moscow Conspiracy of the Decembrists. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 63, issue 1, pp. 29–40.
- Belousov, 2018b** – Belousov M.S. (2018). Political Allusions in the Decembrist Revolt. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 63, issue 2, pp. 345–360.
- Bokova, 2003** – Bokova V.M. (2003). Epokha taynykh obshchestv: Russkie obshchestvennyye ob'edineniya pervoy treti XIX veka [The era of secret societies: Russian public associations of the first third of the XIX century]. Moscow: Reali-Press, 651 p.
- Gotovtseva, Kiyanskaya, 2007** – Gotovtseva A.G., Kiyanskaya O.I. (2007). K istorii nesostoyavsheysya revolyutsii [To the history of the failed revolution]. *Rossiya – XXI*. № 6, pp. 102–162.
- Gotovtseva, Kiyanskaya, 2011** – Gotovtseva A.G., Kiyanskaya O.I. (2011). Chelovek, zasluhivayushchiy doveriya [A man who is trustworthy]. *Rossiya XXI*. № 6, pp. 106–139.
- Delo M.P. Bestuzheva-Ryumina, 1950** – Delo M.P. Bestuzheva-Ryumina (1950). [The case of M.P. Bestuzhev-Ryumin]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 9. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 26–176.
- Delo A.O. Kornilovicha, 1969** – Delo A.O. Kornilovicha (1969). [The case of A.O. Kornilovich]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 12. Moscow: Nauka, pp. 319–343.

Delo S.I. Murav'eva-Apostola, 1927 – Delo S.I. Murav'eva-Apostola (1927). [The case of S.I. Murav'eva-Apostol]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 227–412.

Delo knyazya E.P. Obolenskogo, 1925 – Delo knyazya E.P. Obolenskogo (1925). [The case of prince E.P. Obolenskiy]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 219–286.

Delo P.I. Pestelya, 1927 – Delo P.I. Pestelya (1927). [The case of P.I. Pestel']. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 1–226.

Delo A.V. Podzhio, 1954 – Delo A.V. Podzhio (1954). [The case of A.V. Podzhio]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 11. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 31–91.

Delo K.F. Ryleeva, 1925 – Delo K.F. Ryleeva (1925). [The case of K.F. Ryleev]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 147–218.

Delo S.M. Semenova, 1984 – Delo S.M. Semenova (1984). [The case of S.M. Semenov]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 18. Moscow: Nauka, pp. 167–197.

Delo M.M. Spiridova, 1926 – Delo M.M. Spiridova (1926). [The case of M.M. Spiridov]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 101–181.

Delo V.K. Tizengauzena, 1954 – Delo V.K. Tizengauzena (1954) [The case of V.K. Tizengauzen]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 11. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 239–311.

Delo knyazya S.P. Trubetskogo, 1925 – Delo knyazya S.P. Trubetskogo (1925). [The case of prince S.P. Trubetskoy]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 1–145.

Donesenie gvardii kapitana V.S. Sotnikova, 1929 – Donesenie gvardii kapitana V.S. Sotnikova v shtab 1-y armii ot 2 yanvarya 1826 g. (1929) [Report of Captain V.S. Sotnikov at the headquarters of the First Army of January 2, 1826]. *Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniya dekabristov*. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 16–18.

Dvornichenko, 2018 – Dvornichenko A. Yu. (2018). *Smuta as a Factor of the Russian History*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 63, issue 3, pp. 677–701.

Dvornichenko, Belousov, 2017 – Dvornichenko A. Yu., Belousov M.S. (2017). Decembrist movement in the creativity of George Vernadsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, issue 2, pp. 358–374.

Druzhinin, 1985 – Druzhinin N.M. (1985). Dekabrist Nikita Murav'yev. N.M. Druzhinin. *Revolutsionnoye dvizheniye v Rossii v XIX veke: Izbrannyye trudy*. Moscow: Nauka, pp. 5–304.

Egorov, Kamenev, 2018 – Egorov A.K., Kamenev E.V. (2018). Power of Language and Language of Power as Postmodernist Context of Historical Research. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 63, issue 2, pp. 506–521.

Gueniffey, 2018 – Gueniffey P.A. (2018). History of Violence in the French Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 908–916.

Il'in, 2003 – Il'in P.V. (2003). Novoye ob istorii dekabristskogo dvizheniya (po stranitsam neizvestnoy rukopisi zapisok S.P. Trubetskogo) [New about the history of the Decembrist movement (on the pages of an unknown manuscript of notes by S.P. Trubetskoy)]. *Otechestvennaya istoriya*, № 6, pp. 138–146.

Il'in, 2011 – Il'in P.V. (2011). Neizvestnye zapiski S.P. Trubetskogo [Unknown notes by S.P. Trubetskoy]. *S.P. Trubetskoy. Zapiski. Pis'ma I.N. Tolstomu 1818–1823 gg.* St. Petersburg: Liki Rossii, pp. 9–50.

Kiyanskaya, 2005a – Kiyanskaya O.I. (2005a). Pestel'. Moscow: Molodaya gvardiya, 355 p.

Kiyanskaya, 2005b – Kiyanskaya O.I. (2005b). Yuzhnoye obshchestvo dekabristov. Lyudi i sobytiya: Ocherki istorii taynykh obshchestv 1820-kh gg. [Southern Society of the Decembrists. People and events: Essays on the history of secret societies of the 1820s.]. Moscow: RRGU, 442 p.

Kologrivov, 1936 – Kologrivov I. (1936). Knyaginya Ekaterina Ivanovna Trubetskaya [Princess Ekaterina Trubetskaya]. *Sovremennye zapiski*. Parizh, pp. 204–249.

Kornilovich, 1957 – Kornilovich A.O. (1957). Sochineniya i pis'ma [Works and letters]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 550 p.

Kulikov, 2017a – Kulikov S.V. (2017). The February revolution a hundred years later. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, issue 3, pp. 545–559.

Kulikov, 2017b – Kulikov S.V. (2017). The February revolution a hundred years later (continued). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, issue 4, pp. 736–750.

Lavrov, 1926 – Lavrov N.F. (1926). Diktator 14 dekabria [The dictator of December 14]. *Bunt dekabristov*. Leningrad: Byloe, pp. 129–222.

Lebtsel'tern, 1975 – Lebtsel'tern Z.I. (1975). Ekaterina Trubetskaya. *Zvezda*. № 12, pp. 179–194.

Lur'e, 1978 – Lur'e L.Ya. (1978). Nekotorye osobennosti vozrastnogo sostava uchastnikov osvoboditel'nogo dvizheniya v Rossii [Some peculiarities of the age structure of the participants of the liberation movement in Russia]. *Osvoboditel'noye dvizhenie v Rossii*. Iss. 7. Saratov, pp. 64–83.

- Moeller, 2017 – Moeller F. (2017). The German revolution of 1848–1849 – new perspectives. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, issue 3, pp. 601–612.
- Nechkina, 1955 – Nechkina M.V. (1955). Dvizhenie dekabristov [Movement of the Decembrists]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk, 1955. 507 p.
- Porokh, 1954 – Porokh I.V. (1954). Vosstanie Chernigovskogo polka [The Rise of the Chernigov Regiment]. *Ocherki iz istorii dvizheniya dekabristov*. Moscow, pp. 121–185.
- Pypin, 1885 – Pypin A.N. (1885). Obshchestvennoe dvizhenie dekabristov v Rossii pri Alexandre I [Public Movement in Russia under Alexander I]. St. Petersburg: Tipografiia MM. Stasyulevicha, 543 p.
- Semevskiy, 1909 – Semevskiy V.I. (1909). Politicheskiye i obshchestvennyye idei dekabristov [Political and social ideas of the Decembrists]. St. Petersburg: Tipografiya Pervoy Sankt-Peterburgskoy trudovoy arteli, 698 p.
- Tereshchuk, 2017 – Tereshchuk A.A. (2017). Characteristics of the first Carlist War in Catalonia. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, vol. 62, issue 1, pp. 82–90.
- Trubetskoy, 1906 – Trubetskoy S.P. (1906). Zapiski dekabrista kniazia S.P. Trubetskogo [Notes of the Decembrist prince S.P. Trubetskoy]. St. Petersburg: Tipografiia «Sirius», 210 p.
- Trubetskoy, 1981 – Trubetskoy S.P. (1981). Zapiski [Notes]. *Memuary dekabristov: Severnoye obshchestvo*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, pp. 23–75.
- Trubetskoy, 1983 – Trubetskoy S.P. (1983). Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatelnosti [Materials about life and revolutionary activity]. T. 1. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 416 p.
- Vernadskiy, 1993 – Vernadskiy G. (1993). Dva lika dekabristov [Two faces of the Decembrists]. *Svobodnaya mysl'*. No 15, pp. 81–92.
- Vospominaniya i pis'ma, 1982 – Vospominaniya i pis'ma M.I. Murav'eva-Apostola (1982). [Memoirs and Letters by M.I. Muravyov-Apostol]. *Memuary dekabristov. Yuzhnoye obshchestvo*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 163–226.
- Zakharov, 1954 – Zakharov N.S. (1954). Peterburgskie soveshchanie dekabristov v 1824 g [St. Petersburg meeting of the Decembrists in 1824]. *Ocherki iz istorii dvizheniya dekabristov*. Moscow, pp. 84–120.
- Zapiski dekabristov, 1863 – Zapiski dekabristov (1863) [Notes of the Decembrists]. Iss. 2–3. London: Vol'naia russkaia tipografiia, pp. 1–99.
- Zapiski Yakushkina, 2007 – Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I.D. Yakushkina (2007). [Notes, articles, letters of the Decembrist I.D. Yakushkina]. St. Petersburg: Nauka, 739 p.
- Zapiski Trubetskogo, 2011 – Zapiski S.P. Trubetskogo (2011). [Notes S.P. Trubetskoy]. *S.P. Trubetskoy. Zapiski. Pis'ma I.N. Tolstomu 1818–1823 gg*. St. Petersburg: Liki Rossii, pp. 51–93.

Раскол в движении декабристов

Михаил Сергеевич Белоусов ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые эпизоды политической борьбы в движении декабристов как внутри, так и между Северным и Южным обществами в 1823–1825 гг. На основе «Записок» С.П. Трубецкого из коллекции И.А. Шляпкина анализируются ход и итоги петербургских совещаний 1824 г. Показано, что совещания не только не способствовали консолидации тайных обществ, а наоборот стали кульминацией давления П.И. Пестеля на северян. Все его инициативы были отвергнуты. Дается новая интерпретация развития Южного общества в 1825 г., в период, когда С.П. Трубецкой находился в Киеве. Его взаимодействие с лидерами Васильковской управы способствовало изоляции П.И. Пестеля и коренному изменению политических планов южан. В этот период взгляды С.П. Трубецкого претерпевают изменения, и он начинает поддерживать идею о периферийном восстании по образу пронунсиаменто полковника Р. Риго. Еще одна важная коллизия – это взаимоотношения С.П. Трубецкого и К.Ф. Рылеева как лидера обновленного Северного общества. Исследование этого сюжета подводит к выводу, что С.П. Трубецкой был разочарован произошедшими переменами. К.Ф. Рылеев вызывал у него антипатию и не мог восприниматься как союзник в реализации политических планов. Но ситуацию перевернули известие о смерти Александра I и начало междуцарствия. Представленный анализ подводит к выводу, что причину поражения восстаний декабристов следует искать не в субъективных авторах, а в характере существовавшего в тайном обществе идеологического раскола.

Ключевые слова: петербургские совещания, С.П. Трубецкой, К.Ф. Рылеев, П.И. Пестель, декабристы, междуцарствие, восстание декабристов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.belousov@spbu.ru (М.С. Белоусов)